

УДК 115

Л.А. Штомпель

ЗЕРКАЛО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ И ЧЕЛОВЕКА

При изучении наследия Н.А. Козырева прежде всего концентрируют внимание на его концепции времени. Согласно гипотезе этого, без преувеличения можно сказать, выдающегося астрофизика, время – это одна из основных форм энергии Космоса, принцип упорядоченности всех процессов во Вселенной. Время обладает не только направленностью, но и плотностью. Н.А. Козырев отмечал, что все процессы (где есть причинно-следственные переходы) выделяют или поглощают время. Мы же хотим обратиться к одному из инструментов, который использовал Н.А. Козырев в своей гипотезе (а после него его последователи – в экспериментах) – к зеркалу.

Согласно его гипотезе, специальная система вогнутых алюминиевых зеркал может фокусировать различные виды излучений. Эту систему используют и в экспериментах, посвященных исследованию «информационного поля» Земли. Что отражается для человека, помещенного в фокус этих вогнутых зеркал? Его собственные отраженные излучения.

Сама по себе идея использования зеркала для познания не нова: недаром с ним связано так много табу и примет. Так, в некоторых культурах существует обычай занавешивать зеркала в доме, когда там находится покойник; зеркала использовали как защитное средство от порчи (потому что они отражают завистливые и злобные взгляды, возвращая их тем, кто их послал); запрещали смотреться в зеркало маленьким детям (в некоторых областях Германии считалось, что если ребёнок посмотрится в зеркало до того, как ему исполнится год, то он вырастет тщеславным или глупым, в Англии – что он может умереть); запрещалось смотреться в зеркало при свете лампы или свечи (в Швеции считали, что девушка в этом случае лишится привлекательности, в Германии увидеть в зеркале при свете свечи одновременно себя и чёрта ведёт к смерти) и т.п.

Плохой приметой считается разбить зеркало. Бомбейские сунниты закрывают зеркала, прежде чем ложатся спать. Поверьям о зеркалах родственны легенды о двойниках. Считалось, что увидевший своего двойника человек должен умереть в течение года. В Германии народная традиция запрещает смотреть на свою тень. Способность зеркала отражать ужасное и невысказанное и возвращать его хозяину описана в легенде о Персее, отрубившем голову горгоне Медузе, благодаря тому, что она увидела своё отражение в его отполированном до зеркального блеска щите и окаменела.

В мифах, народных приметах зеркальные отражения, двойники, тени рассматриваются не как оптические явления и не как галлюцинации, а как вполне реальные эфирные тела, в которых может обитать дух, обладающий «дурным взглядом». Отсюда и многочисленные запреты оборачиваться при совершении магических действий. Так, запрещено было оборачиваться Орфею, когда он отправился в подземное царство мёртвых за Евридикой.

Зеркало коррелируется не только с пространственными подобиями, но и со звуковыми (например, эхо как отзвук).

Считалось, что зеркала оказывают воздействие и на животных: в Германии домашних животных пытались приручать с помощью нехитрого обряда, заставляя их трижды взглянуть в зеркало.

Примечательно, что зеркало ассоциируется с женским началом. Так, у хеттов существовала магическая процедура восстановления нарушенных половых функций мужчины. Больному давали зеркало и веретено и, когда он проходил с ними в руках через ворота, их отбирали, а ему вручали лук, говоря при этом, что у него отняли женственность и вернули ему мужественность.

Да, зеркала выражают, с одной стороны, человеческое стремление к подлинности, выразительности: «Свет мой, зеркальце! скажи, да всю правду доложи». Но что является объектом отражения для зеркала? Всегда ли тот, кто находится перед ним? Сама постановка вопроса двойственна: тот, кто стоит перед зеркалом – субъект. И он отражается. При этом говорят: «Мы смотримся в зеркало», – то есть употребляют возвратную форму глагола. Мы смотрим на себя посредством зеркала, но и из зеркала смотрят на нас.

С другой стороны, смотреться на себя стоит для того, чтобы собой полюбоваться или себя изменить. Но зеркала обманчивы: мы поднимаем правую руку, а в зеркале видится всё наоборот. Переворачивая изображение, зеркало выдаёт сходство за тождество. Левое похоже на правое, но не равно ему. Мы с лёгкостью адаптируемся к этому зеркальному отражению. Не потому ли, что зеркало выражает стремление человека к притворству, искажению, симуляции?

В результате приходится вернуться к первому вопросу: кто смотрится в зеркало – сам человек или его образ, увиденный глазами друга-недруга. Случайно брошенное замечание (от похвалы до недоумения или недовольства нашим внешним видом) заставляет нас пристально всматриваться в своё изображение. Мы ищем в своём отражении то, что увидели в нас, соглашаемся или нет, радуемся или печалимся и... отходим от зеркала... на некоторое время.

«Симулятивное псевдобытие», рождённое отражением в зеркале, живёт своим временем, вторгающимся в наше реальное время. Взаимопереплетение времени реального с теми временами, которые рождены отражениями и закреплены в фотографиях, дневниках, воспоминаниях, мечтах и других видах проекций – образуют то поле темпоральности, которое никак нельзя уподобить пространству.

Мы называем все виды отражений реальных предметов проекциями, чтобы подчеркнуть, во-первых, их вторичный характер по отношению к первоначальной реальности и, во-вторых, то, что отражения имеют меньшее количество измерений. Это наглядно видно в начертательных проекциях, когда трёхмерная пространственная фигура проецируется на двухмерную плоскость. Зеркало подобно живописной картине: изначально обманчиво на двумерной поверхности она представляет нам трёхмерный образ.

Четвертичность и всякая следующая за ними «личность» означает призрачность, иллюзорность, ирреальность и даже химеричность происхо-

дящего. Но можно утверждать и прямо противоположное: на двухмерной плоскости можно строить проекции предметов какого угодно количества измерений. Каковы критерии определения реальности первого порядка, той реальности, которая отражается?

Её трёхмерность (из одной точки мы можем провести лишь три взаимно перпендикулярных прямых), данные наших органов чувств (которые нас часто вводят в заблуждение), спасительный якорь «практики – критерия истинности», наконец, наша онтологическая уверенность в том, что мы находимся по эту сторону зеркала.

Поверхность зеркала разделяет две реальности: посюстороннюю и зазеркалье. Зазеркалье можно понять как симулятор-модель, подчиняющую своему господству вполне реальные силы (Ж.Бодрийяр). Нам важно определить, какой из этих миров является первичным, а какой – его проекцией, или же между ними устанавливается кольцо взаимно-проективного отношения. Ж.Бодрийяр верно подметил, что, вступая в мир симулякров, любая вещь становится знаком оперативного превращения объекта во что-то другое (например, товара – в ценность).

Сама поверхность зеркала может быть представлена как граница между посюсторонностью и потусторонностью, между осознанным и неосознаваемым, между естественным и искусственным, светом и тьмой, жизнью и смертью, настоящим и прошлым (или будущим). Действительно, «смотрясь, вглядываясь» в своё отражение, мы сознательно ищем какие-то известные черты или изъяны. А непреднамеренный, мимолётный, случайно брошенный взгляд на своё отражение заставляет увидеть себя с неожиданной стороны. Таким образом, зеркало как артефакт объединяет собой два полюса: «я и не-я», «внешнее – внутреннее», «живое – неживое», «правда – кривда».

Узнавание себя в зеркале происходит через соотнесение своего внутреннего «я» с изображением в зеркале. Сам процесс этого осмысления распадается как минимум на два акта: соотнесение своего облика с внешностью, принятой в культуре, и поиск выражения своего внутреннего «я» во внешнем облике того, кто отражается в зеркале. Осмысление этих соотношений осуществляется через поиск единого основания противоречия между полюсами, через снятие его.

Снятие противоречия – это такое его преобразование, когда изменяется не одна из его сторон, а изменяются они обе, взаимно. От того, каков результат осмысления, зависит основанное на этом снятии дальнейшее поведение индивида. Если действительного снятия не произошло, то поведение будет направлено на изменение лишь одного из полюсов: или своего внутреннего «я» через уход в себя, или своего внешнего облика. Оба варианта лишь внешне изменяют личность.

Если же снятие противоречия действительно произошло, то личность будет воспроизводить себя через совершенствование как своего внутреннего, так и внешнего содержания. Подчеркнём, что поскольку отношение человека к миру опосредствуется смыслом, то и в зеркало человек смотрит не непосредственно. Здесь рождается ещё одно противоречие: между зеркаль-

ностью как непосредственностью и абсолютностью и наличием смысла как опосредованностью.

Зеркало создаёт возможность увидеть себя со стороны (но своими глазами), возможность «раздвоить» себя на «Я» и «Отражённый Я» («Другой»). Между человеком, глядящим в зеркало и его отражением устанавливается поле взаимодействий: всматриваясь в себя, человек одновременно изменяет себя «на своих глазах»: изменяет мимику, выражение глаз, улыбку, позу, форму причёски, движения. Само зеркало не «запоминает» изображение, его запоминает человек, и соотносит этот зрительный образ со своим самоощущением. Отражение в зеркале не статично: оно многократно меняется.

Не случайно был изобретён трельяж – трёхстворчатое зеркало, дающее изображение одновременно с трёх позиций. И все эти изображения и их изменения – явления субъекта самому себе. Но зеркало коварно: когда человек смотрит в него – у него одно выражение лица, стоит отвернуться – и выражение может измениться. Об этом писал ещё М. Булгаков в «Театральном романе». Его герой, драматург С.Л. Максудов, пытается произвести хорошее впечатление на могущественного Ивана Васильевича, возглавляющего Независимый театр.

Тут-то и происходит «драма с зеркалом»: «...я стал производить репетиции по ночам. Я брал маленькое зеркало, садился перед ним, отражался в нём и начинал говорить... И всё шло как нельзя лучше. Порхала на губах пристойная и скромная улыбка, глаза глядели из зеркала и прямо и умно, лоб был разглажен, пробор лежал как белая нить на чёрной голове. Всё это не могло не дать результата, и, однако, выходило всё хуже и хуже. Я выбивался из сил, худел и немного запустил наряд... Однажды ночью я решил произвести проверку и, не глядя в зеркало, произнёс свой монолог, а затем воровским движением скосил глаза и взглянул в зеркало для проверки и ужаснулся. И зеркала глядело на меня лицо со сморщенным лбом, оскаленными зубами и глазами, в которых читалось не только беспокойство, но и задняя мысль. Я схватился за голову, понял, что зеркало меня подвело и обмануло, и бросил его на пол».

Зеркальные отражения дают материал для непрерывной интерпретации чувственных впечатлений, тех человеческих значений, которые проявляются в мире культуры. Человек учится перестраивать свой внешний облик соответственно своему внутреннему ощущению «Я». В его внешней представленности более или менее удачно объективируется жизнь индивидуального духа: недаром говорят, что глаза – зеркало души.

М. Бубер был убеждён, что только отношение «человек с человеком» является фундаментальным фактом человеческой экзистенции, «Я» становится собой лишь через отношение к «Ты». Для М.М.Бахтина жить – значит участвовать в диалоге. Зеркало является прекрасным посредником в этом диалоге, ставя на место «Другого» самое «я», но только в том виде, в котором оно предстаёт перед самим собой.

Уникальность этого простого предмета обихода – зеркала – состоит в том, что оно является посредником актов обмена между человеком и культурой, между «я» и «другим», между внешним и внутренним, есте-

ственным и искусственным. Через посредство зеркала разрешается оппозиция реального и воображаемого. Зеркало, таким образом, выполняет функцию опознания, узнавания подлинного образа человека и, следовательно, возможно его использование в дидактических целях. Но оно же играет и другую роль: выступает как сила трансформации воображаемого – в реальное.

При этом не следует забывать, что эта сила принадлежит всё же не зеркалу, а нашему воображению. Для выполнения функции посредника между реальным и его отображением необходимо наличие важнейшего условия: должна присутствовать подлинная реальность. В противном случае отношение «переворачивается» и зеркальное отображение, сила образов воображения, закреплённая в зеркалах, начинает господствовать над первичной реальностью. Особенно наглядно это проявляется в том трепетном отношении к зеркалам, которое существует во всех культурах.

Благодаря зеркалу становится возможным выразить то, что является видимым, но в то же время остаётся неузнанным. Зеркало выступает в своей дидактической функции тогда, когда обучает новому видению предметов – видению в перспективе. На это указывал Леонардо да Винчи, подметивший, что живописцы находят в поверхности плоских зеркал учителя, раскрывающего значение светотени и сокращения каждого предмета в перспективе. Поэтому зеркало, по Леонардо, должно стать умом художника.

Способность зеркала не только отражать, но быть посредником между реальным и воображаемым, была использована не только в повседневной жизни: зеркало превратили в поэтический символ – в знак, несущий в себе тайные смыслы. Прекрасна загадка: что собирает холодную росу, но само не холодно; с его помощью извлекают огонь, но оно не горячо? Эта метафора зеркала широко используется в даосской традиции. В даосской *философии зеркала* рассматривалось в его способности не столько отражения, сколько выявления всего, что происходит в мире человека (и внешнем, и внутреннем).

Сознание, уподобившееся чистому зеркалу, освобождается от житейской и умственной рутины, что позволяет ему переживать каждое событие с первозданной свежестью восприятия, как будто оно находится у истоков рождения мира. Последователи даосской *философии* сравнивали «пустотное» сердце мудреца с *зеркалом*, бесстрастно приемлющим бытие, но не считали зеркальность мертвым отражением истинно-сущего. Зеркало не отражает, а является пустым, и эта пустота зеркала соответствует в даосизме подлинной жизни. Известный афоризм из «Дао дэ цзина»: «Человек следует земле, земля следует Небу, Небо следует дао, а дао следует (определяется) самому себе» как раз и наталкивает на такое понимание зеркальности.

В.В. Малявин заметил, что даосский мудрец перестает видеть в зеркале простое отражение окружающего мира, он как «наследник древних представлений о магической силе зеркала, переживает таинство открытия подлинности в иллюзии, безусловной реальности мира, помещенного в зеркало» [1, с.55]. Подобная традиция прослеживается и в современной прозе. Так, в романе американской писательницы китайского происхожде-

ния Э. Тань «Клуб радости и удачи» есть вставная новелла «Американский перевод».

В ней китайская женщина использует образ-символ зеркала: во-первых, зеркалу приписываются магические свойства (поскольку неправильное положение зеркала может повлиять на возможность зачатия детей); во-вторых, описывается способность Ин-ин Ст. Клэар «увидеть мир в зеркале», предполагающей «осознание символической равноценности всех данных опыта – того простого факта, что все образы как внешнего, так и внутреннего мира располагаются в нашем восприятии на одной плоскости» [2, с.204].

Зеркала отражают и возвращают смотрящемуся в них человеку не только то, что воспринимает его орган чувственного восприятия – глаза, но и то, что он представляет и мыслит, то, что он «узревает» внутренним зрением. В данной новелле в зеркале отражается воспринимаемый китайской матерью и недоступный для американской дочери иллюзорный, внутренний мир: *«Это внутри... Посмотри вовнутрь, скажи мне, разве я не права? В этом зеркале мой будущий внук, уже следующей весной сидящий на моих коленях»*.

В этом же романе Э.Тань вновь использует символ зеркала: оно выступает как магический кристалл, с помощью которого можно видеть то, что скрыто от человеческих глаз. Одна из героинь романа в решающий момент своей жизни, перед свадьбой с нелюбимым человеком, размышляет о своей несчастной участи. Внезапно налетевший сильный ветер меняет её самоощущение: *«Я вытерла глаза и взглянула в зеркало. Я удивилась тому, что увидела. На мне было великолепное красное платье, но то, что я увидела, было ещё более ценное. Я была сильная. Я была настоящая. Мои истинные мысли никто не мог увидеть, никто не мог забрать их у меня. Я была, как ветер. Я откинула голову назад и гордо улыбнулась своему отражению. И затем я надела на лицо большой вышитый красный шарф, закрыв им и свои мысли. Но даже под шарфом я знала, кто я. Я дала обещание себе: я всегда буду помнить пожелания моих родителей, но и не забуду о себе»* [5, с. 2931].

Понимание и использование зеркала как магического кристалла описано Папюсом. Обычно оно имело форму хрустального шара, отражающего свет. Его назначение состояло в том, чтобы сосредоточить в одном пункте, как считали маги, астральный свет (а мы бы сказали, что сконцентрировать внимание, освобождающее, делающее «пустым» наше сознание от всех второстепенных деталей) и установить связь нашей личной жизни с жизнью всеобщей, с «хранителем форм» [3].

Даосский символ зеркала имеет ещё одно незаметное на первый взгляд, но очень важное в жизненной практике человека измерение – этическое. Мудрый человек, по Чжуан-цзы, есть то зеркало, в котором каждый человек опознает свой подлинный неведомый образ и которое высветляет природу всех существ. Вместо того чтобы подчинять своей воле других или подчиняться самому, он являет собой зеркало, благодаря которому каждый может узнать себя в себе и примириться с самим собой [2].

Образ зеркала в европейской философии возникает в неоплатонизме. По Плотину, каждая низшая ступень является подражанием более высокой: точно так же, как некоторый предмет соотносится со своим отражением в зеркале, или со своей тенью. Но с исчезновением предмета исчезает и его отражение – тень (сравним с древнекитайским поверьем, что у даосских святых и у детей, рождённых в преклонные годы, нет тени).

Материи присуще свойство – способность созидать призрачные подобия. Сознание для Плотина также подобно зеркалу: достаточно повернуть его в нужную сторону, и оно отразит находящиеся перед ним предметы. Но условие этого отражения опять же состоит в состоянии внутреннего покоя и отдохновения – для того, чтобы воспринять жизнь мысли. Наше сознание – это наше внутреннее зеркало, в котором отражаются наш разум и дух. Образ зеркала как посредствующего звена, влияющего на характер отражения, присутствует и в «Божественной комедии» Данте.

Идея зеркала коррелирует здесь с идеей прозрачности: иерархия космических зеркал, словно вода, частично отражает, частично пропускает сквозь себя божественный свет. И далее можно проследить развитие идеи взаимного отсвечивания противоположностей друг в друге, зеркального отражения в спекулятивной философии (*speculum* – зеркало) как её центральной идеи.

Образ зеркала нашёл своё применение и в психологии. В 1949 г. Жак Лакан выступил на конгрессе Международной психоаналитической ассоциации с докладом, посвящённым роли **зеркальной стадии** в формировании личности. Зеркало здесь выступает как метафора отражения, роли «идеального Я» в процессе осознания индивидом своего положения в обществе. Сам Лакан оценивал концепцию «зеркальной стадии» как «ключевое звено» своего вклада в психоаналитическую теорию.

Биопсихологи с помощью зеркала пытаются определить момент начала самосознания у животных. Известен опыт, когда на лоб спящей шимпанзе нанесли пятнышко краски; когда животное проснулось, его поместили в другую комнату, где на стене висело зеркало. Обезьяна остановилась, уставившись в зеркало, а затем подняла руку и дотронулась до пятна на лбу. Этот эксперимент проводили с целью определить, какие животные способны воспринимать себя как некие индивидуальности и осознавать различия между собой и другими живыми существами.

Считается, что если животное узнаёт своё отражение в зеркале, то оно обладает самосознанием. Шимпанзе всякий раз узнавали себя, а orangутаны и гориллы – только иногда. Однако макакам это до сих пор не удаётся. Чаще всего они пытаются напугать своё отражение, принимая его за какую-то чужую обезьяну. Иногда они даже заглядывают за зеркало, чтобы добраться до «незнакомца» с другой стороны. Подобный эксперимент проводили и со слонами: животные пытались просто пройти сквозь стекло.

По-видимому, они принимали зеркало за отверстие, ведущее в другое место, не понимая, что это твёрдый предмет. Следует отметить, что опыты со слонами и макаками не подтверждают однозначно отсутствие у этих жи-

вотных самосознания: вполне возможно, что они просто не умеют обращаться с зеркалом.

Но зеркало – всё же опасный инструмент самопознания: оно может нас вводить в заблуждение. Поэтому возникла идея «честного» зеркала. В 1887 г. английский священник Джон Хукер получил патент на честные зеркала. Идея была проста: поставить два зеркала под прямым углом друг к другу, и тогда эффект двойного отражения перевернёт зеркальное изображение в обыкновенное.

Метафора зеркала не просто как предмета отражающего, но как отражающего потому, что оно пусто, встречается в литературе достаточно часто. Так, в романе «Раскрашенная птица» Е. Косинский рисует диктатора как «человека без свойств», в которого люди сами вкладывают свои ожидания, вкладывают того, кто заменяет Бога в мире умершего Бога. Действительно, на свете есть люди, которые добиваются успеха не благодаря выдающимся умственным или художественным способностям, а потому, что отвечают ожиданиям толпы (или публики, или других людей).

Они как **зеркало** отражают тех, кто находится перед ними, и это отображение принимается благосклонно толпой. Один из примеров таких людей – герой повести Ежи Косинского «Садовник» (1971) – Шанс. Шанс умственно неполноценен, собственный дед держал его в заточении долгие годы. Поэтому Шанс не умеет почти ничего, ничего не знает о жизни, и лишь как попугай повторяет банальные фразы повседневного этикета, выученные с экрана телевизора.

И этого оказывается достаточно для того, чтобы войти в вашингтонский высший свет! Ведь люди принимают лишь того, кто соответствует общепринятой модели. Поэтому в глазах бизнесменов Шанс оказывается бизнесменом, благородной жертвой финансовой депрессии, в глазах политиков – политиком, в глазах шпионов – шпионом, а во взглядах женщин – неотразимым любовником.

Шанс, будто ходячее зеркало, перетекает из светского салона – в телевизионную студию, оттуда – на дипломатический приём, и каждый находит в нём то, что хотел найти.

Е. Косинскому удалось продолжить метафору зеркала на телевидение. Довольный Калибан смотрится в электронное зеркало, сжимая в лапе пульт дистанционного управления и говорит своему отражению: «Экий урод! Как хорошо, что это не я!». Увидеть себя со стороны тоже позволяет зеркало. При этом непривлекательность облика отчуждается и приписывается Другому.

О людях-зеркалах пишет и Макс Фрай в фантастическом романе «Тёмная сторона»: леди Теххи – зеркало, она «быстро становится отражением своего собеседника. А уж их знаменитый папочка был наилучшим из зеркал. Самая сокрушительная разновидность обаяния... Только когда она очень испугана, огорчена или остаётся в одиночестве, тогда и появляется настоящая Теххи – довольно редко..., да?... Можешь мне поверить, все беседы с леди Теххи очень смахивают на приятное раздвоение личности...». Он поднял на меня внимательные светлые глаза. «Его лицо показалось мне здорово знакомым... и через несколько секунд я понял почему. Это было

моё собственное лицо, вернее, почти моё.» «Все дети сэра Лойсо Пондохвы были «зеркалами» – существами, отражающими своего собеседника» [4].

Сегодня, в условиях кризиса культуры, подмене внутреннего – внешним, естественного – искусственным, зеркала не исчезают. Напротив, их становится пугающе много. Первые симптомы этого наблюдались, когда вошли в моду зеркальные очки (скрывающие глаза рассматривающего Вас человека) и вездесущая реклама (которая, по выражению Р. Барта, «не создаёт, а отражает массовую психологию»). Именно реклама делает нас соавторами реальности массовой культуры. Мир сделался зеркальным: но в нём мы движемся по замкнутому кругу: глядя вокруг, видим лишь себя.

Мы теряем Другого: везде тиражируется лишь наш внешний облик. Культура, в которой зеркало играет роль символа, отражающего не только внешность, но и внутренний мир человека, уступает место другой. В ней витрина магазина смотрит в зеркальную пустоту находящегося напротив офиса или затемнённых стёкол проезжающей мимо машины. И страшно звучат слова поэта В. Егорова: «И я плыву по зеркалам, в которых отражаться некому».

Восстановление культурных ценностей должно сопровождаться возвращением зеркалу его предназначения – быть пустым для отражения богатства мира, а не замещать собою пустоту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малявин В.В. Философия Чжуанцзы: Забытьё, пробуждение, немое слово // Дао и даосизм в Китае. – Сб. ст., Л.С. Васильев, Е.Б. Поршнева, отв. ред. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1982.
2. Малявин В.В. Чжуан-цзы. – М.: Наука, 1985.
3. Папюс. Практическая магия. – М., 1991
4. Фрай М. Тёмная сторона. – СПб., 1999
5. Tan, Amy. The Red Candle (Extract from The Joy Luck Club). // The Heath Anthology of American Literature, Vol.2. – Lexington, Massachusetts, Toronto: D.C. Heath and Company, 1994.